

АНА ШПЛИС

НЕЙРОМЫК

ДЕТЕКТИВНАЯ ФАНТАСТИКА

18+

Цифровая чума

Яна Шплис

НейроМимик

«Автор»

2026

Шплис Я.

НейроМимик / Я. Шплис — «Автор», 2026 — (Цифровая чума)

Новосибирск, 2151 год. В городе пропадают люди, а после убийства мэра мегаполис накрывает волна беспорядков. На помощь местной полиции из Ново-Москвы срочно вылетают сотрудники Отдела Специальных Расследований ФСКБ – Дина Беглова и Павел Ковалёв. Умные системы зданий подчинены неуловимому убийце, а за спиной специальных агентов вновь встаёт тень корпорации «Наследие». Смогут ли они поймать преступника, когда он управляет реальностью через нейросети, а их личные счёты грозят сорвать расследование? Или они уже пешки в чужой игре? Новое расследование, новые герои, новые вызовы. Продолжение романа «Цифровая чума». Можно читать, как самостоятельное произведение.

© Шплис Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
***	8
Глава 2	11
***	14
Глава 3	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Яна Шплис

НейроМимик

Глава 1

Новосибирск, 2151г.

Горячее июльское солнце отражалось в прозрачных куполах здания климат-контроля над Центральным районом, выбеливая небо до рези в глазах. В этой части страны тридцать пять градусов в тени – даже для середины лета перебор. Над площадью Ленина роились дроны-распылители, выплёвывая тонкую взвесь, которая должна была охлаждать воздух. Только невидимая влажная завеса оседала липкой субстанцией на лица людей, стёкла, фасады, не принося спасительной прохлады. Мегаполис медленно задыхался. Так же, как задыхался последние полгода мэр этого города – Вадим Вадимович Князев.

Воздушные коридоры над Красным проспектом были забиты частными автомобилями, их антигравы оставляли в раскалённом мареве бледные дрожащие полосы. Среди этого техногенного засилья выделялась одна башня, от вида которой у мэра сводило скулы – здание «Наследия-Сибирь», мимо которого они сейчас пролетали. Вывески на нём пульсировали ядовито-зелёными голограммами, напоминая о себе каждому, кто поднимал глаза выше второго этажа. Князев смотрел на всё это сверху, из окна служебного автомобиля, и чувствовал, как где-то глубоко под рёбрами расползается противная пустота.

Сегодня пятница. Последняя пятница перед отпуском, а потом две недели на юге. И не в той части Крыма, которая за последние годы превратилась в санаторий для пенсионеров с устаревшими имплантами, а в элитной – с частными пляжами и лечебными капсулами, куда не проникают назойливые репортёры. Билеты давно куплены. Вилла забронирована. Оплачено всё вплоть до индивидуального повара. И ехать он должен был не с семьёй, а один. Ну, или почти один. Четырнадцать суток вместе – он и она. Сказка.

Только вместо купания в море мэру предстояла встреча с владельцем ново-московского филиала компании «Наследие» – Артуром Вересовым. И это в пятницу, за час до конца рабочего дня. Всё потому, что высокомерному толстосуму, возомнившему себя центром вселенной, плевать на чужие жизни, тем более на какой-то там отпуск. Вадим Вадимович зло выругался. Служебный автомобиль пересёк воздушную границу центра, минуя блокпост с вооружёнными дронами. «Аурус» плавно снижался к парковочному уровню административного комплекса.

Здание Новосибирской мэрии в 2151 году не имело ничего общего с тем унылым бетонным кубом, который помнили старожилы. Теперь это был монолит из затемнённого кристаллита, переливающийся на стыке уровней тусклым золотом встроенных светодиодов. Сорок семь этажей уходили в небо, ещё двадцать – под землю, в бункеры. Фасад украшала широкая голографическая лента сменяющих друг друга слоганов: «Новосибирск – город инноваций», «Новосибирск – опора федерации», «Новосибирск – мы строим будущее».

А ведь ещё каких-то двадцать лет назад здесь всё было иначе. Тогда Вадим вступал в свой первый срок, молодой и полный надежд. Ему казалось, что сотрудничество с компанией «Наследие» повысит шанс вывести город в лидеры. Он искренне верил, что способен изменить жизнь людей к лучшему. Правда, если в начале службы дела делались как-то сами собой, то к настоящему времени мэра не покидало чувство, что и он и этот высокотехнологичный муравейник катятся куда-то в тартарары. Особенно его подкосила эпидемия. Князев и сейчас

с содроганием вспоминал те дни, когда новый вирус под названием «цифровая чума»¹ убивал людей быстрее, чем врачи успевали выдавать заключения о смерти. Центральные районы удалось отстоять, его команда вовремя организовала вакцинацию – в первые же сутки. А то, что творилось на окраинах... туда он предпочитал не заглядывать даже мысленно. Прививки должны были помочь. В конце концов, он сделал всё, что мог. Кто там говорил про естественный отбор?

Сейчас Князев ненавидел этот фасад так же, как ненавидел Влада Ларнье, когда тот сел напротив и холодно произнёс: «Шеф сожалеет, что не смог присутствовать лично». *Сожалеет он. Ага, нашли дуручка! Так я и поверил.* Машина мягко коснулась посадочной платформы. Герметичная дверь отъехала в сторону, выпуская наружу волну спёртого, прогретого подземным паркингом воздуха. Вадим выбрался наружу, одёрнул полы пиджака и, не глядя по сторонам, направился к персональному подъёмнику. Охранники у входа синхронно кивнули. Сканеры считывателей бегло прошли его профиль и, тяжёлые створки разъехались в стороны, пропуская внутрь. Прозрачный лифт, с панорамным обзором на внутренний двор мэрии понёс его вверх. Князев остался один. И воспоминания, о пережитом унижении, накрыли его с головой.

Обед был назначен в частном зале ресторана «Антей» у набережной Оби. Место дорогое, с видом на искусственный водопад и системой акустической изоляции, способной заглушить даже взрыв. Он, как обычно, приехал за десять минут до назначенного времени, но вместо главы «Наследия» в зал вошёл Ларнье – высокий, сухой, с лицом, которое не выражало ровным счётом ничего. Тёмный дорогой костюм сидел на нём как броня. Правый глаз чуть прищурен из-за старой нейротравмы. Бывший военный и палач на побегушках, которому хозяин доверяет больше, чем собственному нейроинтерфейсу². Князев внутренне сжался. Одно дело торговаться с Вересовым, и совсем другое выпрашивать снисхождение у его прислужника.

– Вадим Вадимович, – Ларнье не поздоровался и не протянул руку для приветствия. Просто сел напротив и уставился на мэра немигающим взглядом. – Главный сожалеет, что не смог присутствовать лично. Состояние здоровья, сами понимаете.

– Разумеется, – через силу выдавил Князев, чувствуя, как под воротником рубашки закипает испарина. – Я слышал о... неприятном инциденте.

Ларнье пропустил реплику мимо ушей. Между ними вспыхнуло голографическое меню, но ни один не двинулся, чтобы сделать заказ.

– Перейдём сразу к делу. Нужен земельный участок в Заельцовском районе. Три гектара муниципальной земли. Понимаете о чём я?

– Да, я знаю этот участок, – Вадим ответил чуть резче и громче, чем хотел, хотя прекрасно понимал, что злить Ларнье всё равно, что тыкать палкой в спящую кобру. – Но эта земля находится в долгосрочной аренде у трёх малых предприятий. Расторжение договоров повлечёт за собой...

– Компенсацию, – ровно закончил за него Ларнье. – Которая будет выплачена в полном объёме. Ваша задача состоит в том, чтобы инициировать процедуру изъятия и выставить требуемое на аукцион. С одним условием: наша заявка должна быть единственной.

– Это незаконно, – тихо сказал Князев, и сам удивился своей смелости.

Ларнье впервые за всё время чуть заметно усмехнулся. Уголки губ немного дёрнулись вверх, но в глазах не дрогнуло ничего.

– Разве? – он откинулся на спинку стула и сложил руки на груди. – Месье Вересов будет разочарован, если узнает, что его предложение встретило... непонимание.

Предложение? Вот как это называется? Не ультиматум и не шантаж? Вот такое «цивилизованное деловое предложение», от которого нельзя отказаться. Князев молчал. Он разглядывал свои ухоженные пальцы со свежим маникюром, и пребывал в прострации. На

правом мизинце должно было быть платиновое кольцо с крупным сапфиром. Под камень был впаян микрочип – капризная голограмма, отпирающая сейф в его кабинете. Там, в недрах его личного тайника, лежал компромат. В том числе на него самого. Ставки тотализатора, «мёртвые души» в ведомостях, бонусы за каждую нелегальную сделку. Князев лично вёл учёт всех жертв собственной жадности и платил за каждую. *Как тот чёртов маньяк или мазохист. Не мог он иначе.*

– Я подумаю, – выдавил он, наконец.

Ларнье кивнул, поднялся и, не прощаясь, ушёл, уверенный, что мэр теперь наизнанку вывернется, но сделает так, как приказано сверху. Вадим же остался сидеть, глядя в застывшее голографическое меню. Лишь когда к нему бесшумно приблизился официант-андроид, Князев снова посмотрел на свои пальцы и, наконец, окончательно осознал, что ему не померещилось - кольца *действительно* нет.

Лифт мягко замер на нужном этаже. Двери разъехались, выпуская мэра в просторный холл приёмной с жидкокристаллическими стенами, на которых сейчас транслировался вид на Речной вокзал. Алёны уже не было на месте. Его помощница давно укатила к любовнику и до понедельника можно было о ней забыть.

Кабинет встретил его привычной стерильностью. Тёмный дубовый стол с сенсорной панелью. Экран во всю стену, транслирующий карту городских воздушных коридоров, портрет президента, триколор. Слева, на стене, (единственное, что Князев себе позволял) висел фрейм с изображением дочерей. Две девочки в белых платьях – Виктория и Констанция. Прелестные белокурые ангелы с отцовскими скулами и материнскими глазами. Подхватив фотографию одной рукой, другой он подкатил поближе к столу адаптивное кресло, и рухнул в него. Несколько секунд вглядывался в фото, ища утешение в родных лицах. И не находил.

– Феликс¹, – позвал он устало. – Проведи биометрический поиск местоположения предмета. Идентификационный код 441-Б-89.

Нейросеть отозвалась через долю секунды:

– Объект не обнаружен. Последняя зафиксированная активность – ресторан «Антей», набережная Оби, 12:47. В период с 12:47 по настоящее время сигнал чипа отсутствует.

– Отсутствует? – переспросил Князев, не веря в произошедшее. – То есть кто-то его заглушил?

– Вероятность технического сбоя равна 0,03 процента. Вероятность намеренной блокировки сигнала 99,97 процента.

Князев прикрыл глаза и посчитал до десяти, пытаясь отстраниться от волны гнева, захватившей его. *Долбанная искусственная машина, так и не научилась изъясняться по-человечески.* Перед его внутренним взором встало лицо Ларнье. Как и когда этот французский пёс успел стащить кольцо? Или не он? Вадим судорожно вспоминал последние события, предшествующие пропаже. Мысли путались. Он резко встал, прошелся по кабинету и остановился у сейфа, встроенного в стену.

Как?! Как такое могло с ним случиться?

Волосы на затылке вставали дыбом, когда он представлял масштаб катастрофы, которая обрушится на него, на его семью, на всё, что он выстроил, если пропажа не обнаружится. Какая, к чёрту, поездка? Какой отдых? Когда от одной мысли о его личном хранилище его потряхивает. Там лежит то, что размажет его по асфальту политической жизни, то, что превратит его дочерей в изгоев, а жену – во вдову при живом муже. Отмена командировки – цветочки. Ягодки начнутся, когда кто-то откроет этот хренов сейф без него. А он уже знал: кольцо он не найдёт. *Потому что, чёрт возьми, он никогда, н-и-к-о-г-д-а его не снимал!*

Вадим вернулся к креслу, сел, и опять уставился на портрет дочерей. Старшая, Виктория улыбалась, слегка склонив голову и, словно сегодня свет упал как-то иначе на лицо девочки – Князев увидел маленький зазор между передних зубов. *И как он раньше не замечал?* Лицо мэра скривила гримаса отвращения. Щербинка напомнила о жене. У неё была точно такая же деревенская щель, но та любила улыбаться во весь рот, демонстрируя свой изъян, а Вадима каждый раз тошнило от омерзения, особенно последнее время. Он презирал Наталью. Её улыбку. Зубы. Её глупую, преданную любовь, которой она душила всех направо и налево. *Когда это с ним произошло? Когда он возненавидел собственную жену?*

– Алиса, запиши Викторию к стоматологу на завтра. К Прозоровскому.

– Есть свободное время на 10.30 и на 14.00, лучше записаться на утро.

Для кого и чем лучше Князев не понимал.

– Утро, так утро.

Вадим всё так и смотрел на фотографию невидящими глазами, словно выпал из реальности на какое-то время, а когда вспомнил зачем он здесь, снова поднялся. Походил по кабинету, обшарил рабочий стол – в ящиках были только старые файлы, папки с протоколами совещаний, да пара бутылок дорогого коньяка, о которых он совершенно забыл. Ничего. Он перевернул всю офисную мебель, заглянул даже под тонкое покрытие на полу. Кольца нигде не было. Осталось осмотреть санузел, примыкавший к кабинету – небольшую комнату с раковиной из чёрного камня и зеркальной панелью во всю стену.

Переступив порог, он вдохнул привычный для таких помещений мятный запах дезинфицирующего аэрозоля. *Может, он снял его, когда мыл руки? Такого никогда не случалось, но вдруг?* Внимательно шаг за шагом он оглядел всё помещение. Заглянул в контейнер для биоотходов. Безрезультатно. Выпрямился, посмотрел на себя в зеркало. *Усталое, бледное лицо измученного мужика. Машинально вырвал длинный седой волос, предательски торчащий из брови.*

Что-то мелькнуло за его спиной. Сначала Вадим подумал, что отказал AR-интерфейс³. Однако нет. Стена напротив транслировала стандартную заставку, а за его плечом, там, где секунду назад отражалась гладкая поверхность, теперь шевелился непонятный сгусток света, не связанный с освещением. Контур фигуры текли, переливались, то уплотнялись, то распались на мелкие частички и снова собирались в нечто аморфное. Казалось, что сам воздух закручивался в воронку, стремясь принять форму человека.

– Кто здесь? – спросил Князев испуганно. – Алёна, ты?

Вадим хотел развернуться, но тело не слушалось, будто кто-то нажал кнопку «пауза». Дикая паника рассыпалась по телу колкими иглами, не давая мыслить здраво. Вдруг кожу на лбу пронзила обжигающая боль.

– А-а-а! – закричал он, отшатываясь назад.

Одной рукой он прикрыл голову, а другой по инерции снёс всё, что стояло на полках. Флаконы с био-лосьонами, дезинфектор для чипов, тубики с гелями, ещё что-то хрупкое. Банки падали и разбивались вдребезги, заливая пол разноцветными мутными лужами. Зеркальная панель треснула, пустив по идеальной глади мерзкую паутину. Князев упал на колени, рвано хватая воздух ртом. В ушах звенело так сильно, словно тысячи комаров одновременно вгрызлись в его барабанные перепонки.

Болезненная пульсация постепенно затихала и Вадим медленно, с трудом, поднялся. Проморгался, прогоняя цветные пятна перед глазами. Осторожно посмотрел в треснутое зеркало, оно размножило его отражение на сотни осколков, но в центральном, самом крупном, он всё-таки смог разглядеть себя. Над его переносицей горела алая отметина с рваными краями ожога. *Три цифры.*

– Что за... – от удивления его рот приоткрылся.

Князев повернулся, желая убедиться, что в помещении никого нет, и в следующий миг затылок разорвало ударом. Мэр не успел увидеть, кто напал на него. Он падал лицом вперёд в своё разбитое отражение, чувствуя, как сознание молнией скручивается в тугую чёрную точку. Ещё секунда и темнота накрыла его полностью.

¹ - Феликс - искусственный интеллект.

² – «цифровая чума» – здесь упоминается о событиях, произошедших год назад. Когда люди заразились вирусом через чипы, импланты, погружение в виртуальную реальность.

³ – нейроинтерфейс – система прямого обмена информацией между мозгом и электронными (цифровыми) устройствами. Позволяет управлять техникой силой мысли, получать данные напрямую в сознание и погружаться в виртуальные миры через нейропорт. Обычно вживлён в голову человека.

4 – AR-интерфейс – способ взаимодействия пользователя с цифровым контентом, при котором виртуальные элементы накладываются на реальный мир в режиме реального времени.

Глава 2

Для Алёны Земцовой понедельник начался с лёгкой, приятной истомы, не желающей выпускать её из своих объятий. На губах ещё чувствовался вкус утреннего кофе, который они пили на балконе, глядя с семнадцатого этажа на раскинувшийся внизу парк. Его рука на её талии, горячее дыхание на шее и шёпот: «Останься ещё на час». Она осталась на два и теперь расплачивалась за это.

В мэрию Алёна влетела за пять минут до начала рабочего дня, раскрасневшаяся, растрёпанная, с засосом на шее, который тщетно пыталась замаскировать тональным спреем по дороге в лифте. Упрямые прядки волос выбились из строгого пучка и никак не хотели обратно в причёску. Она, как могла, пригладила их пальцами. Глаза сияли от счастья. Пусть глупого и сейчас абсолютно неуместного, но всё же счастья. Она поймала себя на том, что смотрит в зеркальную панель подъёмника и улыбается собственному отражению. В груди порхало что-то тёплое и приятное.

– Успокойся, – тихо приказала она себе и поправила воротник блузки. – Ты на работе.

Её руки ещё помнили, как гладили его плечи, сжимали простыни, тянулись к нему в полусне. И от этого было трудно, да что там – невозможно – настроиться на отчёты, графики и таблицы. Она вышла на своём этаже и почти столкнулась с роботом-уборщиком, который тащил контейнер с дезинфектором. Машинально извинилась и, стуча тонкими каблуками, поспешила к себе. Приёмная находилась в дальнем крыле здания, за толстыми дверями, которые глушили любой шум из коридоров. Кабинеты остальных сотрудников ютились этажом ниже. Сюда, на уровень мэра, редко кто заглядывал без личного приглашения или срочного вызова. Будни Алёны почти всегда проходили в одиночестве, если не считать охрану да редких курьеров.

На сегодня назначен открытый для журналистов и высокопоставленных гостей показ проекта нового жилого комплекса. Мэр ещё месяц назад утвердил список приглашённых, лично проверил рассадку, заставил трижды пересогласовать меню. Вадим Вадимович любил такие сборища: блеск, внимание камер, возможность пожать руку нужному человеку. Сам он, конечно, присутствовать не мог. Улетел на юг. Алёна знала это, потому что лично занималась его «срочной командировкой». Правду (с кем он туда полетел) она тоже знала, но это не её забота. Её задача, чтобы в документах был порядок, тайминг соблюдался, а презентация прошла на отлично.

Что-то слишком тихо, подумалось ей вдруг. Хотя с чего бы? Люди из «протокола» наверняка уже на месте. Она всего лишь координатор, её задача следить за общим ходом, а не стоять над душой у каждого. Все указания раздали ещё в среду, специалисты опытные, не первый год трудятся. Алёна одобрительно хмыкнула своим мыслям и откинулась в кресле. Однако внутри продолжало свербеть. Странностей набиралось как минимум две.

Во-первых, в холле первого этажа она никого из обслуживающего персонала не заметила, когда поднималась. Обычно перед такими мероприятиями там всегда кипела жизнь. Надо бы спросить у начальника охраны. Алёна потянулась к коммуникатору, но рука замерла на полпути. А смысл? Не станет же она дёргать его по пустякам. Да и вообще... не её уровень контролировать каждый шаг коллег. Ещё подумают, что не доверяет им. Не хватало прослыть выскочкой. Пусть работают. Она убрала руку от аппарата.

Во-вторых, ей никак не давало покоя, что накануне такого важного события мэр вдруг стремится уехать из города. Совпадение? Сам настоял на этой дате, сам горел этим проектом, и вот, ни с того ни с сего заявляет, что ему срочно нужен отдых по предписанию докторов. Она покачала головой. В последнее время Вадим Вадимович действительно часто раздражался, срывался на подчинённых по пустякам. Может, и правда переутомился. Врачам виднее. Ей ли

судить начальника? Она отогнала нелепые подозрения. Всё под контролем. Алёна вздохнула и поправила причёску. Волосы пахли его шампунем. Свежий запах с горьковатыми нотками кедра напомнил, как они целовались в душе под горячими струями воды. Щёки вспыхнули с новой силой. Вот как здесь сосредоточиться? Мысли то и дело уплывали куда-то не туда, возвращаясь к сильному телу, к его бархатистому голосу, к той радости, когда он назвал её «дорогая» перед самым уходом. Как же это мило.

– Прекрати, – приказала она себе и активировала голографическую панель.

Над столом развернулось прозрачное мерцающее полотно с расписанием. В 11:30 – сбор гостей, в 11:45 – открытие дверей и размещение, в 12:00 – приветственное слово (Князев записал голограмму, чтобы транслировать в своё отсутствие), затем демонстрация макета, фуршет, общение с прессой. Алёна уже собиралась встать, как вдруг острая боль обожгла ступни. Новые туфли – эти остроносые шпильки были модным хитом сезона. Дорогушие, из натуральной кожи: сейчас такую почти не выпускают. Девушка поморщилась. Не успела разносить и вот результат – ремешки больно впивались в щиколотки. «Ничего, переживу, – подумала Алёна, потирая ноги под столом. – Зато красивые, девчонки из бухгалтерии обзавидуются».

Неприятности начались ровно в 11:50, когда раздался звонок от главного по охране мэрии Кузьмина.

– Алёна Сергеевна, спуститесь, пожалуйста, в конференц-зал, – его голос звучал непривычно напряжённо.

– Что-то случилось?

– Двери не открываются.

— Сбой?

– Похоже на то. Система не реагирует. Ни на мои коды, ни на аварийки.

– А где сотрудники протокольной службы? – спросила она, придерживая кнопку связи чуть сильнее, чем следовало.

– Понятия не имею, – ответил Кузьмин. – Я с утра никого из obsługi не встречал. Думал, они уже внутри.

– Ладно, разберёмся, – Алёна нахмурилась. – Сейчас буду.

Она поднялась, одёрнула юбку, ещё раз проверила себя в зеркале. Ну и что, если она слегка взвинченная и румяная? Спишу на рабочее волнение, если спросят. Никто не узнает. Никто. Лифт бесшумно понёс её вниз. Сквозь прозрачные стены она видела, как в холле первого этажа собираются люди. Слишком много людей и, когда двери разъехались, Земцова замерла на пороге.

Коридор перед конференц-залом был забит до отказа. Заместители мэра – все, кого она знала в лицо и по именам, – толпились у входа, переговариваясь вполголоса. Управделами Щеглов, красный и взмыленный, тербил галстук и то и дело смотрел на часы. Вице-мэр по строительству Коростылёв стоял, скрестив руки, и мрачно смотрел на закрытую дверь. Представители прессы – федеральные и международные каналы, местные издания, блогеры в вызывающе ярких нарядах, – все ждали.

– Земцова! – Щеглов подскочил к ней, как только она вышла из лифта. – В чём дело? Два часа не можем попасть внутрь!

– Два часа? – машинально повторила она, чувствуя, как внутри поднимается волна паники. Та-а-к, спокойствие, только спокойствие.

– Вы что, с утра здесь? – деловито спросила она.

– С десяти. Гости уже приехали. Мы все на месте, а здесь закрыто. Никто ничего не понимает.

– Открытие запланировано на 11:45, сам Вадим Вадимович так распорядился.

– Но уже 11:55! – воскликнул управляющий.

Сенсорная панель у входа тускло светилась красным цветом отказа в доступе. Алёна подошла быстрым шагом и ввела свой личный номер. Ноль реакции. Вбила временный код. Ничего. Аварийный протокол. Тишина.

– Кто-то взломал систему, – тихо сказала она, не веря собственным глазам.

– Это невозможно, – отрезал Коростылёв, подходя ближе. – Здесь тройной уровень шифрования. Даже «Феликс» не может получить к ней полный доступ без спецразрешения.

Повисла тишина, кто-то кашлянул, кто-то переспросил у соседа, что происходит. Напряжение сгустилось до такой степени, что Алёна физически ощущала его кожей. Неожиданно раздался щелчок, и красный цвет на панели сменился на зелёный. Двери бесшумно разъехались в стороны.

– Ну, наконец-то, – выдохнул облегчённо Щеглов и шагнул внутрь.

Конференц-зал встретил их полумраком. Слабое аварийное освещение едва позволяло различать очертания рядов кресел, пустой пьедестал в центре да большие прямоугольники экранов, висящих под потолком. Коктейльные столики пустовали, бокалы не сверкали, а в воздухе пахло ни едой и ни цветами, а чем-то затхлым. Если бы Алёна не знала, как тщательно следят за чистотой в здании мэрии, то решила бы, что где-то здесь скончалась мышь. И вполне, может быть, не одна.

Журналисты быстро, с профессиональной сноровкой, рассредоточились по периметру, на ходу раскладывая аппаратуру. В полумраке мелькали силуэты, щёлкали разъёмы, звучали сдержанные команды: «Света не хватает», «Сейчас добавлю», «Дай фокус». Земцова уже хотела окликнуть кого-нибудь из obsługi, как вдруг её взгляд упал на одного из операторов. Он стоял к ней спиной. Широкие плечи, знакомая посадка головы, то, как он чуть наклоняет её вбок, когда думает о чём-то. Этого не могло быть!

Мужчина обернулся. Сердце Алёны забилось так иступлённо и быстро, что пульс ускорился до невыносимой частоты. Он смотрел прямо на неё, нахально улыбаясь. И даже подмигнул! Она замерла, вцепившись пальцами в край ближайшего кресла. Радость переполняла её. Он здесь! А следом, почти мгновенно, пришло недоумение, граничащее с ужасом. Почему? Как? Они же договаривались встретиться вечером. Разве он не должен быть сейчас в офисе, заниматься... какими делами? Земцова вдруг с ошеломляющей ясностью поняла, что совершенно не представляет, чем он зарабатывает. Он всегда уходил от ответа: «Фриланс, мелкие заказы, не бери в голову». Алёна не придавала значения, пропускала мимо ушей – ей даже нравилось эта таинственность. А теперь он здесь. Зачем? Кто пригласил? И главное, почему ни слова не сказал утром?

– Ты что здесь делаешь? – беззвучно прошептала она одними губами, но он уже отвернулся, делая вид, что сосредоточен на работе. Что-то было не так. Что-то было очень, очень не так.

Только Алёна сделала шаг в его сторону, как неожиданно все видеосистемы в зале ожили одновременно, словно по команде невидимого режиссёра. Голографические панели, экраны на стенах, даже проекторы, которые ещё минуту назад казались мёртвыми, – всё вспыхнуло ослепительно-белым светом, больно резанув по глазам. Загорелись красные индикаторы записи, оповещая, что идёт прямая трансляция. Изображение проявилось не сразу. Сначала звук: приглушённый, словно через вату, пульсирующий бас аудиосистемы, звон бокалов, женский смех, многократно усиленный акустикой помещения. Потом появилась картинка – серые, размытые контуры с каждой секундой набирали цвет и резкость. Камера явно находилась в режиме нейросетевой стабилизации, плавно скользя по помещению, фокусируясь то на одном объекте, то на другом.

Перед зрителями предстал президентский люкс отеля «Палас», который Алёна узнала мгновенно – сама бронировала его две недели назад для делегации из Китая. От настольных ламп с шёлковыми абажурами исходил рассеянный свет, создавая интимный полумрак, в котором лица приобретали неестественную размытость. В центре кадра, развалившись в кожаном кресле с широкими подлокотниками, сидел Вадим Князев. Алёна никогда не видела мэра таким. Вместо строгого костюма на нём был тёмный халат, распахнутый до пояса. В правой

руке бокал с янтарной жидкостью, а левая – утопала в длинных светлых волосах девицы, стоявшей на коленях рядом. Зал замер. Кто-то охнул. Кто-то нервно засмеялся и тут же умолк. Поражала та лёгкая, почти небрежная жестокость, с которой мэр запустил пальцы в девичьи волосы, сжал их у корней и потянул, заставляя блондинку поднять лицо. В этот момент изображение едва заметно дёрнулось, видимо, тот, кто снимал, переступил с ноги на ногу. И почти сразу произошёл резкий переход, будто переключили канал, и от увиденного у Алёны внутри всё оборвалось.

Перед ней был совершенно другой интерьер. Облупленные стены больничной палаты. Грязные простыни в серых разводах. И дети, дети. Господи, да сколько же их там?! Истощённые, с тёмными провалами под глазами, с капельницами, воткнутыми в тонкие, как спички, руки. Это были жертвы «цифровой чумы». Те, кого мэр бросил умирать на окраинах, потому что они не голосовали за него и не жертвовали в его фонды. Алёна почувствовала, как глаза защипало то ли от стыда, то ли от бессилия, а может быть, и от того и от другого одновременно. Пропущенный через модулятор голос всё говорил и говорил, вползая в уши отравой, вгрызаясь в самое сердце.

– Посмотрите на своего мэра. На того, кто обязан был заботиться о жителях города. Посмотрите, чем он на самом деле занимался. И как вам, нравится?

Экраны мигнули и погасли, а на чёрном фоне крупным шрифтом вспыхнула красная надпись:

«Ты следующий».

Фильм кончился, и всё вокруг снова погрузилось в полумрак. Несколько секунд стояла мёртвая тишина. Никто не двигался, и, казалось, не дышал. Все – и гости, и чиновники, и даже охрана впали в ступор. Пока люди находились в замешательстве, кто-то включил верхнее освещение. И почти сразу раздался крик, полный такого животного ужаса, что у Алёны самой перехватило дыхание. Она повернулась на звук и увидела, как бледная женщина с замысловатой причёской и выпученными от страха глазами, тычет пальцем в сторону подиума. Земцова проследила за её рукой. Сердце ухнуло куда-то вниз. На том месте, где должен был находиться макет здания, лежало тело Вадима Князева в позе «звезды». Такое она видела только в старых криминальных передачах. Глаза мэра были закрыты, а вот рот Кто-то зашил его чёрной нитью грубыми стежками, один глубже другого, кое-где ткань губ порвалась, обнажая зубы. Правая рука заканчивалась культей, а на лбу зияли чернотой глубоко выжженные три шестёрки.

Мерзкий голос всё не умолкал. Не отдавая отчёта своим действиям, Алёна сделала один шаг, второй. Туфли противно хлюпали. Она не сразу сообразила, что наступила в лужу чего-то тёмного, похожего на кровь, просто шла вперёд, не обращая внимания на происходящее вокруг, отталкивая всех, кто преграждал ей путь. Страшная догадка пронзила её, от чего пол качнулся под ногами. Преступник, кем бы он ни был, отрубил мэру правую руку, на которой шеф носил то самое кольцо!

Алёна до сих пор не могла забыть, как полгода назад её чуть не уволили только за то, что она не вовремя вошла в кабинет. Мэр возился у стены за голографической панелью, и она успела заметить его манипуляции с украшением и то, как из ниоткуда возникла ниша с массивным сейфом внутри. Князев тогда обернулся и посмотрел таким взглядом, что сразу стало понятно: ей конец. Пришлось пойти на некоторые уступки, чтобы задобрить начальника. И с тех пор Алёна точно знала: там находится нечто очень-очень ценное и опасное. Что именно – она не видела, но если хорошо подумать Получается кто-то другой теперь имеет доступ к секретам Вадима? А что если он хранил там те видео, которые так любил снимать? Ведь на одном из них есть и она

Рвотный позыв накатил так стремительно, что Алёна не успела даже закрыть рот рукой, как её вывернуло наизнанку. Горячая, едкая жижа выплеснулась прямо на грудь, на юбку, на эти проклятые модельные туфли. Она согнулась, упёрлась дрожащими ладонями в колени и

дышала так, будто только что вынырнула из ледяной воды. Перед глазами всё плыло. Кто-то пытался отвести её в сторону, кто-то протягивал платок, но девушка не реагировала.

– Боже мой, – прошептала она. – Боже мой, вызовите полицию...

Оказалось, что уже вызвали. Она выпрямилась, вытерла губы тыльной стороной руки и отошла назад. А за её спиной зал наконец-то очнулся от столбняка. Дико закричал Коростылёв, требуя «прекратить эту чёртову трансляцию». Где-то впереди женщина то истерически хохотала, то рыдала и просила, чтобы её увезли домой. Среди поднявшегося шума отчётливо был слышен чей-то возглас:

— А если здесь бомба?!

Последние слова словно спустили курок. Толпа завывала, и началось настоящее безумие. Все рванули к выходу, сметая стулья, опрокидывая пустые коктейльные столы. Люди падали, наступали друг на друга, отпихивали локтями тех, кто оказывался более проворней. Пузатый мужичок с нашивкой «Свободная Пресса» потерял обувь, споткнулся и рухнул на колени, подняться он уже не смог – его затоптали. Один из репортёров разбил свою технику о дверь, и обломки градом посыпались на пол. Знаменитая модель в жемчужном платье, ещё минуту назад такая чопорная и важная, вцепилась в пиджак впереди идущего парня, и повисла на нём вялой гусеницей.

Алёна шагнула спиной к стене и вжалась в неё со всей силы, будто хотела стать частью бетона. Её била мелкая дрожь, ладони вспотели, а язык, казалось, прирос к нёбу. Ноги не слушались, словно налились свинцом. Она смотрела на происходящий хаос широко раскрытыми глазами и не могла вымолвить ни слова. Только бешено колотящееся сердце билось в висках.

Сквозь мечущиеся тела она вдруг снова увидела его. Он не бежал к выходу, как все. Карие глаза зловеще поблескивали за прозрачными линзами АІ-очков, на дужках которых пульсировали алые индикаторы, подтверждая, что идёт запись. Он снимал. На одно короткое мгновение их взгляды встретились. Он больше не улыбался. Абсолютно спокойное лицо. Во всей его позе читалось нечто такое, от чего её опять замутило. Он знал! Он всё знал! Не нужны были слова, чтобы понять это. *Во что же ты втянул меня?* Пока Алёна соображала, как поступить, мужчина скрылся из вида.

За стенами мэрии взвыли сирены. Сначала где-то далеко, потом всё ближе. Земцова осталась стоять на месте не в силах пошевелиться. Только отстранённо наблюдала, как чинные и важные люди, ещё совсем недавно брезгливо осуждавшие мэра, сами превратились в обезумевших зверей, готовых растерзать соседа ради лишней секунды форы.

«Ну, здравствуй... понедельник», – подумала она, медленно оседая на пол. Глаза застилали слёзы, и сдерживать их дальше не имело смысла.

Глава 3

На плановую перевязку таксе по кличке Глория у Алисы ушло четверть часа. Ничего сложного – обычная стандартная процедура. Клиентка, жена какого-то техно-магната, даже не соизволила остаться. Она скинула код-доступ на ком¹, дала короткие указания и умчалась по своим делам. Можно было отказаться, но платили хорошо, а лишних денег не бывает. Тем более у деда закончились витамины, а у кота Маркиза – специальный корм, который тянет на половину её месячной стипендии. Ещё пять минут ушло на то, чтобы наговорить сообщение «умной системе дома» о перспективах 3D-печати хрящевой ткани для карликовых пород. Так, на всякий случай. Вдруг хозяева захотят продлить жизнь своей питомице.

К тому времени, как Алиса вышла из подъезда, жара уже спала. Вечерний воздух обдал её приятной прохладой и запахом цветущих лип. После духоты в чужой квартире это казалось настоящим спасением. Лазарь Васильевич ждал у входа. Он сидел на скамейке и дремал – белая кепка съехала на глаза, руки скрещены на груди. И не подумаешь, что не человек. Четыре года прошло с тех пор, как её родной дед – известный на всю страну учёный, сменил дряхлеющее тело на новое и стал единственным в своём роде. Если бы мама тогда не настояла на том рискованном эксперименте, Алиса осталась бы совсем одна. Она тяжело вздохнула. При воспоминании о родителях на глаза навернулись слёзы. Тогда ей было всего пятнадцать, она только готовилась поступать в ветеринарный институт и ещё не знала, что очень скоро взрослая жизнь обрушится на неё со всеми своими тяготами: важными решениями, ответственностью и жёсткой нуждой быть самостоятельной.

Она подошла ближе, и негромко кашлянула. Дед встрепенулся, поправил кепку, и встал. Выглядел он бодрее многих живых пятидесятилетних: спина прямая, движения уверенные. Никаких скрипов, никаких замедлений.

- Ну? – он прищурился.
- Пятнадцать тысяч. Плюс двойной бонус за консультацию.
- Я же говорил: твои руки и голова – золото, – Лазарь Васильевич расплылся в улыбке.
- Раз мы так разбогатели, то зайдём в «Ауру». Побалуемся.

Обычно они закупались в уличных магазинах-автоматах, где еда не имела ни вкуса, ни запаха, а срок годности был вечным, как горы на Алтае. На скромную пенсию по потере кормильца, да редкие подработки сильно не разгонишься, приходилось на всём экономить. Но последнее время попадались щедрые заказчики, удалось даже скопить некоторую сумму. В конце концов, она махнула рукой и сдалась. Спорить с дедом, когда он в таком настроении, было бесполезно.

Торгово-развлекательный комплекс встретил их прохладой кондиционеров и роботами-консультантами. В гастрономическом отделе дед выбрал копчёного угря под соусом из маракуйи и большую коробку трюфельных макарон. Алиса добавила к заказу мраморный стейк, упаковку ассорти-овощей и пачку безлактозных сливок.

- Для Маркиза, – кивнула она на витрину со спецкормами.
- Для Маркиза, – эхом отозвался дед, беря с полки банку с надписью «ЗдравКорм НП+».
- Тысяча рублей! Когда этот кот начнёт сам себя кормить?
- Когда ты научишься сидеть на месте, – парировала она, и Лазарь Васильевич громко и заливисто рассмеялся. В такие моменты Алиса забывала о том, что её дед автоматон².

Уже на выходе из магазина, когда стеклянные двери разъехались, и они шагнули на улицу, она поддела его.

- Ты похож на Деда Мороза с подарками.

– А ты на доктора Айболита, – парировал он и хихикнул совсем, как мальчишка.

– Зато у меня спина не отсохнет, – Алиса хмыкнула, хотя рюкзак действительно тянул плечо. – А ты дотащишь?

– Обижаешь, – Лазарь Васильевич горделиво выпрямился. – Во мне, между прочим, сервомоторы последнего поколения.

– Знаю, знаю. Ты у нас терминатор. Пошли уже, Маркиз зажался.

Она сделала шаг и остановилась, будто наткнулась на невидимую стену. Вокруг творилось что-то невообразимое. Площадь перед зданием, ещё полчаса назад пустая и спокойная, теперь гудела, как растревоженное осиное гнездо. Тротуары и проезжую часть заполнили люди – по большей части подростки и молодёжь в чёрной одежде и балаклавах. Они махали транспарантами и кричали какие-то непонятные лозунги. Пахло жжёным пластиком – это горели уличные автоматы. Оранжевые языки лизали обшивку, отражаясь в стёклах чудом уцелевших автомобилей на парковке. Дед молча переложил пакеты в одну руку, а другой сжал Алисе плечо.

По всему кварталу раскатывался многократно усиленный бас губернатора Волохова. Красное лицо с крупным носом и белоснежными, совершенно седыми волосами смотрело на город сверху с голографических экранов.

«беспорядки должны быть прекращены. Любые нападения на офисы, транспорт и тем более на сотрудников полиции будут расцениваться как»

Слева, со стороны Ипподромской улицы двинулась цепь полицейских с дубинками, щитами и в лёгкой броне. Над ними жужжали дроны с микро-электрошокерами на подвесках. Позади ревели моторы бронированных автозакв. Протестующие заволновались, откатились назад и разделились на несколько частей.

– Что будем делать?

Они оказались зажатыми между двух огней.

– Разойтись! – кричали из мегафонов.

В ответ полетели булыжники. Первые удары были вялыми, нерешительными, словно проверяли на прочность. А когда один из дронов выстрелил разрядом в парня в сером комбинезоне и тот рухнул, завывая, тормоза сорвали.

– Наших бьют!

В оцепление полетели горящие пакеты, обрезки труб, куски арматуры. Шум превратился в сплошной гул, в котором тонули звуки сирен. Алиса заметила нескольких журналистов, зажатых между мусорных баков у многоэтажки напротив. Один из них, рыжий парень с порезанной щекой, что-то кричал в камеру, не отводя взгляда от схватки.

– За мной, – дед подхватил внучку под локоть. – Обходим справа.

Они двинулись вдоль стены гипермаркета, вжимаясь в нагретый за день бетон. Тем временем полицейские теснили толпу в сторону сквера, та отступала нехотя, огрызаясь на каждом шагу. Довольно быстро основные события переместились далеко вперёд, оставляя за собой разбитые витрины и дымящиеся остовы машин. Алисе с дедом удалось благополучно выбраться на пустырь за торговым комплексом. Здесь встречались только редкие прохожие, те, кто, как и они, пытались убраться подальше от побоища.

– Кажется, пронесло, – выдохнула она и остановилась, чтобы отдышаться.

В этот момент из-за угла вылетел нейроцикл³. Он вилял из стороны в сторону, видимо, водитель потерял управление. Расколотый шлем и торчащие из него пучки проводов подтверждали её догадку. Всё это Алиса успела оценить за доли секунд до их столкновения. Она не успела бы отпрыгнуть, и дед не успел бы её оттолкнуть, даже его молниеносная реакция здесь бессильна.

Чья-то рука перехватила её за талию и рванула назад. Нейроцикл пронёсся в сантиметрах от неё, обдав горячим воздухом и пылью. Алиса не удержалась и упала на асфальт почти плашмя, успев закрыть голову руками.

– Осторожнее, – произнёс низкий голос.

Одетый во всё черное парень навис над ней огромной тенью. Капюшон упал с головы, блеснули серьги в ушах. «Красавчик» – подумала Алиса, попыталась вдохнуть и не смогла. Знакомое железное кольцо сжало горло. Астма (проклятая психосоматика) подкралась в самый неподходящий момент.

– Дыши, – парень опустил рядом на корточки.

– Отойди, – услышала Алиса другой голос.

К ней подбежал второй. Он осторожно взял её голову в ладони, повернул к себе.

– Смотри на меня. Вдох носом на четыре. Задержка на два. Выдох ртом на шесть. Давай, ты справишься.

Она повторяла за ним, боясь отвести взгляд от его лица. От рук незнакомца шло непонятное успокаивающее тепло. Алисе казалось, что тысячи мини-иглочек покалывают её всю от кончиков волос до пальцев ног. Приятно. И так необычно. Кто он? Ангел? Только у них могут так светиться глаза. Через какое-то время её дыхание выровнялось. Приступ прошёл, и девушке стало стыдно за свои мысли. И что только в голову не придёт от недостатка кислорода?

– Кир, – представился парень, помогая ей подняться.

– Алиса С-спасибо за помощь. Вам обоим.

Она перевела взгляд на первого. Тот стоял чуть поодаль, руки в карманах. Смотрел на неё с выражением, которое она не могла понять: то ли оценивал, то ли злился.

Странный какой.

– Роб, – бросил он коротко.

Парни явно не были знакомы и сейчас опасливо приглядывались друг к другу.

– Где мой дедушка? – Алиса осмотрелась. – Вы не видели? Со мной был эээ...

Лазарь Васильевич вынырнул из кустов – без кепки, парик набекрень, куртка в пыли и каких-то ветках. Правую ногу он приволакивал, но пакеты с продуктами держал мёртвой хваткой.

– Цела? – спросил он, окидывая Алису быстрым взглядом.

– Да. Спасибо им, – кивнула она на парней, подбежала к деду и ухватила за локоть. – Ты как? Сможешь идти?

– Я тожж-ж-е хорош, – он хмыкнул. – Растерялся на с-секунду. В следующий раз буду быс-с-трее.

– Не будет никакого следующего раза, – Алиса крепче ухватилась за него. Речь старика сбоила и они оба знали, чем это может закончиться. – Надо срочно уходить, ты понимаешь?

Тот хмуро посмотрел на внучку, молча кивнул.

– Меня з-з-овут Лазарь Васильевич Василевский, – обратился он к неожиданным спасителям. – Приятно ос-с-сознавать, что не перевелись ещё молодые люди, спос-с-обные оказать помощь девушке в трудную минуту.

Он шагнул в сторону Кира, нога подогнулась и его повело. Алиса едва успела подхватить его – тяжёлый, чёрт возьми.

– Дед! Не дёргайся.

Лазарь Васильевич упёрся здоровой конечностью в асфальт, самостоятельно встать он не мог. Колено не гнулось. Он зло сплюнул – привычка с живых времён – и отвернулся. Алиса сразу всё поняла: расстроился. Что приходится тащить его на себе, что сломался в самый неподходящий момент.

– Иди, – сказал он глухо. – Я...

– Перестань, – спокойно ответила она. – Никуда я не пойду.

– Давайте помогу.

Кир подскочил с другой стороны и вдвоём они приподняли автомата. Пакеты болтались на дедовом запястье, он так и не выпустил их, будто от этого зависела жизнь.

– Я провожу, – сказал Кир тоном, не принимающим возражений.

Алиса по привычке хотела отказаться. Но одного взгляда на полуобморочного старика хватило, чтобы понять – без помощи не обойтись. Да и сама выдохлась после приступа, а топать до дома не меньше получаса.

– Ладно, – кивнула она. – Ты не обязан, но буду благодарна .

Они двинулись вперёд. Роб остался на месте – даже не попрощался, просто смотрел вслед. Алиса чувствовала его взгляд спиной, но оборачиваться не стала.

Смог опустился низко, почти до крыш. Свет фонарей едва пробивался сквозь липкую желтоватую пелену, расплываясь мутными пятнами. Воняло гарью и сладковатой химией. Они прошли перекрёсток, и справа показалась разгромленная круглосуточная аптека. У входа валялась опрокинутая тележка, повсюду раскиданы пустые коробки. Кто-то вырвал дорожный указатель, и теперь железная нога торчала из газона под неестественным углом. Удручающие последствия стихийного митинга были повсюду.

Первые несколько кварталов шли молча. Алисе очень хотелось расспросить нового знакомого, как он так вовремя оказался рядом. И что вообще там делал? Может, он один из тех, в чёрных балаклавах? Тогда стоило бы опасаться. С другой стороны вряд ли такой кинулся бы помогать, а уж провожать тем более. На всякий случай она нашарила в боковом кармане рюкзака походный скальпель в чехле. *Надеюсь мне не придется сегодня никого препарировать.*

Притихший сначала Лазарь Васильевич вдруг ожил и пристал к Киру с расспросами. *Как же удобно, когда рядом есть такой любопытный родственник.* Алиса прислушивалась к негромкому разговору мужчин и постепенно успокаивалась – парня явно не стоило бояться. Студент, сирота, учится в какой-то спецшколе, мечтает о работе в Федеральной службе безопасности. Дед, в свою очередь, принялся рассказывать о своих научных достижениях и вскоре уже так разошёлся, что начал зазывать Кира в гости: «Сыграем как-нибудь вечером партейку в хроносы⁴, а?» Пришлось умерить его пыл и, как бы невзначай, толкнуть локтем в бок, чтобы прекратил заниматься сводничеством. Когда впереди показались знакомые очертания кирпичной двухэтажки среди старых тополей, она едва не застонала от облегчения.

Кир помог затащить деда в грузовой лифт. Алиса сняла со стены сложенное кресло-каталку, и они усадили старика. Кабина медленно поползла вверх. Только сейчас, при электрическом свете, ей удалось внимательнее разглядеть парня. Тогда, на пустыре, в темноте, ей почудилось, что глаза у него почти без зрачков и светятся. Ничего подобного – обычный парень примерно её возраста, правильные черты лица, разве что радужка чуть светлее, чем обычно бывает у голубоглазых. *Линзы, наверное. Или аномалия какая-нибудь, а она уже напридумывала себе.*

– Спасибо, – сказала она уже в который раз. – Ты нас очень выручил.

– Бывает, – Кир пожал плечами. – Вы поаккуратнее. В городе сейчас бардак.

Двери открылись. Алиса выкатила деда в коридор и обернулась.

– Заходи, – предложила она. – Чай, кофе. Не знаю, что ты пьёшь.

Он улыбнулся. Просто и легко, без всякого пафоса.

– В другой раз.

Лифт закрылся. Алиса прислонилась к стене и выдохнула – наконец-то одни.

– Хороший молодой человек, – констатировал дед. – И тебе подходит.

– Ещё чего, – она фыркнула, скрывая смущение. – Пакеты не украл – уже хорошо.

Лазарь Васильевич расхохотался, и его полумеханический смех эхом разнёсся по пустому коридору.

¹ком – коммуникатор, похож на мобильный телефон, но многофункциональнее.

²автоматон – усовершенствованный робот, внешне очень похож на человека.

³нейроцикл – по форме напоминает мотоцикл, но управляется через нейроинтерфейс.

⁴хроносы – или хроно-шахматы, в качестве фигур выступают известные исторические личности из разных эпох.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.